

БРЫКЛИВОЕ ЧУДО ПРИРОДЫ

...Но вот наступило лето. Виртуальный хомут учёбы, снятый с первоклассника по случаю летних каникул, маячил в отдалении, изредка напоминая о себе то пересохшей чернильницей-непроливайкой, то портфелем, брошенным в угол, то сношенными до дыр сапогами, и словно бы звал, нет, даже подталкивал к подвигам. А вчерашний первоклассник был по-летнему босоног, легко и свободно одет и распахнут новым впечатлениям. Он вдыхал полной грудью вольный деревенский воздух, и к нему вернулись его прежние удивительные дошкольные сны. Нет, это был, скорее всего, один, но многократно повторяющийся летний сон.

Ему снились клонящийся к закату день, быстро темнеющий горизонт, отдельные тучки, всё ещё освещённые лучами уходящего солнца, просёлочная дорога с обнимающей и ласкающей ноги густой и тёплой пылью, набирающая вечернюю влагу придорожная трава-мурава, щекочущее прикасающаяся к подошвам ног, ощущение какой-то необъятной и необъяснимой, вселенской, что ли, радости бытия, заставляющее его перейти сначала на быструю ходьбу, потом на лёгкий бег — и, наконец, оторваться от земли и

ощутить всю прелесть свободного полёта и всю сладость вечерней прохлады...

И вполне закономерно, что в один из таких чудесных летних деньков-вечеров он увидел его — это никелированное, невообразимой красоты чудо природы под названием «велосипед» — и обомлел. Чудо природы было многомерным — руль и колёса, рама и педали, седло и багажник, цепь и крылья — и бесшабашно вёртким. О каждом из его элементов в отдельности и обо всех сразу можно было сочинять и рассказывать сказки, слагать и петь песни, разучивать и выкрикивать речёвки. Например, такую, рассчитанную на легковерных и пугливых начинающих велосипедистов: «Ось в колесе! Педаль спустила! Ось в колесе! Педаль спустила!»

Однако на поверку оно, это чудо природы, оказалось на редкость своенравным и брыкливым, оно упорно не желало принимать вертикальное положение без чьей-либо посторонней помощи. Не успел он с помощью старшего брата оседлать его — это брыкливое чудо природы, как сразу же оказался на земле. И вот тут наш герой обнаружил и обнажил страстность собственной природы, с которой ему предстояло ещё и не раз, и не два столкнуться лицом к лицу... Слезы брызгали из глаз, мышцы немели от напряжения, локти и колени представляли собой живописное сочетание ссадин и царапин, а он снова и снова взбирался, вскакивал, вбрасывался в седло, чтобы ещё обиднее, безнадежнее, больнее упасть вместе с велосипедом в придорожную пыль. Иногда ему казалось, что это какой-то невидимый притаившийся насмешливый враг ставит ему одну подножку за другой...

И всё-таки подвиг состоялся, он просто-таки не мог не состояться. Таким подвигом стало одномоментное, хотя и растянувшееся на часы и перешедшее в другие календарные сутки, начавшееся ещё засветло, а закончившееся глубоко затемно действие, которое можно назвать укрощением никелированного велосипедного чуда с поэтическим названием «Школьник». Это укрощение стало, кроме всего прочего, и своеобразной местью покрытого синяками и ссадинами, перепачканного пылью и размазанными по

щекам слезами вчерашнего первоклассника вчерашней же школьной действительности в целом и урокам чистописания в частности, так его достававшим в течение всего учебного года!

ЛЕТНИЕ СТРАСТИ ПО ВЕЛОСИПЕДУ

Начавшееся лето и не думало отступать, мои ссадины и царапины постепенно зажили, моя победа — умение управлять велосипедом и ездить на нём — осталась со мной. Сам велосипед «Школьник» вернулся к своему законному владельцу. Наша семья снялась с насиженных мест и совершила хоть и небольшой по вселенским меркам, но знаковый переезд из рабочего посёлка Ирбейского льнозавода на заимку Кокорино, которая находилась по ту сторону такой естественной и солидной водной преграды, как река Кан. В те годы постоянной переправы в виде моста через Кан не было, летом ходил паром, на котором мы благополучно переправились со всем домашним скарбом и домашними животными. Зимой в лёд Кана вмораживались деревянные опоры и сооружался временный деревянный мост, который каждую весну вместе с ледоходом отправлялся вниз по течению на радость владельцам лодок, живущим по берегам реки. Дармовой пиломатериал плыл прямо в руки, и почему бы этим шансом не воспользоваться?

Заимка Кокорино служила такой откормочной площадкой для отощавшего за зиму скота, сдаваемого весной совхозами, колхозами и частными лицами. В основном это был крупнорогатый скот и лошади. Поэтому скучать членам нашей семьи не приходилось. Крупнорогатый скот надо было пасти днём, а лошадей, днём задействованных на разнообразных работах, выпасать и охранять ночью. Этим летом я научился ездить верхом на коне и управлять конными экипажами с военным названием «танки» — так почему-то назывались волокуши, с помощью которых подцеплялись и подтаскивались к месту стогования копны сена для дальнейшего их смётывания на стог.

Лето оказалось для меня очень богатым на события и на приобретение нового опыта, но мечта о собственном велосипеде «Школьник», подходившем мне по всем моим «первоклассным» параметрам, меня стала тревожить, и чем дальше, тем больше. Эта мечта усугублялась тем, что родители пообещали мне этот велосипед купить на августовской школьной ярмарке. В воскресный день родители уехали в районный центр Ирбей на бортовой машине с твёрдым обещанием вернуться с велосипедом «Школьник». Томившее меня с момента их отъезда напряжение стало нарастать и вылилось под вечер в то, что я не выдержал томления и отправился босиком по просёлочной дороге навстречу своему счастью. По счастью, я никуда не свернул с дороги, ведущей в райцентр, фары и тормоза машины сработали синхронно, я оказался в кабине машины на руках у мамы, но вождёленного велосипеда ни в кабине, ни в кузове не оказалось...

ПИФАГОРОВЫ ШТАНЫ

Окунаясь в раннее детство, я удивлением обнаруживаю, что и одежда, и обувь часто были рукоделием домашнего производства. На этом фоне любая покупная вещь, которую «справляли», ценилась очень высоко. Так и говорили: справили сапоги, справили костюм.

Главным инструментом домашнего рукоделия в нашей семье, несомненно, была ножная швейная машинка «Зингер», произведённая в Германии в конце девятнадцатого — начале двадцатого века. На неё, на эту машинку, которая на самом деле была настоящей машиной, тяжёлой и громоздкой, всеобщая послевоенная неприязнь к немцам, фашистам, фрицам, гитлеровцам, немчуре не распространялась. Великая труженица, эта машинка всё работала и работала и практически не знала износа. Это был рабочий инструмент матери, на котором она, как тогда говорили, обшивала и одевала всю семью. Ассортимент был самым разнообразным: от рубашек, платьев, шаровар, простынь, наволочек, пододеяльников до стёганных одеял и самодельных пальто.

Именно такое стёганное ватой самодельное пальтецо с брезентовым верхом и было моей первой осмысленной зимней одеждой. Оно, это пальтецо, очень уверенно и надёжно подстраховало меня во время моего осенне-зимнего плавания в полынье. А после того как я из него вырос, ещё долгие годы служило, подобно советской интеллигенции, прослойкой между базисом панцирной сетки и надстройкой ватного матраса — проще говоря, оберегало матрас от пятен ржавчины, которые так или иначе проступали на панцирной сетке от долгой эксплуатации.

Что касается обуви, то это была епархия отца. Он сам не только любил щегольнуть в хромовых сапогах, но и умел продлить срок эксплуатации обуви вообще, а сапог кирзовых, которые буквально «горели» на наших со старшим братом ногах от интенсивной носки, в частности. Кирзовые сапоги обыкновенно покупались — «справлялись» — к школе и предназначались для эксплуатации в осенне-весенний период, когда и босиком уже не походишь, и валенки доставать ещё рано. Валенки, как обувь, так или иначе проходили через руки отца. Либо он их катал сам в домашних условиях, и это был очень увлекательный — для наблюдения и участия — процесс. Для этого процесса требовались овечья шерсть, которая сначала вычёсывалась, освобождалась от всевозможного мусора, потом сбивалась, сваливалась, уплотнялась, подвергалась воздействию кислоты, приобретала форму, сажалась на колодку, сушилась в русской печи, и время. Не оспаривая правоту классика о том, что время — вещь необычно длинная, всё-таки стоит заметить, что в те годы рабочая неделя была шестидневной, а на катание пары валенок одного выходного дня не хватало. Либо — в более экономичном по времени варианте — он распаривал покупные валенки кипятком и «сажал» их на колодку, что не только придавало валенкам более красивый, даже щегольской вид, но и делало их более плотными и пригодными для длительной эксплуатации. В сравнении с кирзовыми сапогами, у которых чаще всего снашивались, стирались до подошвы каблуки и протирались до дыр голенища, у валенок снашивались лишь подошвы, что позволяло продлить срок их эксплуатации посредством подшивания. Искусство

катания валенок так и осталось для меня практической загадкой, поскольку ни одной пары валенок на сегодняшний день я так и не скатал, а вот алгоритм подшивания запомнился отчётливо и не только запомнился, но перешёл во вполне результативные практические навыки.

В то лето нам со старшим братом одновременно купили — «справили» — вельветовые костюмчики. Это было самое настоящее — от горизонта до горизонта — счастье. Предмет гордости был налицо, а вот предмета зависти — не было вовсе.

Впрочем, долго наслаждаться, глядя друг на друга и на самих себя, нам с братом не пришлось, поскольку вещи в те годы справлялись не от избытка чувств или средств, а в связи с какими-то переменами. В данном случае перемены были очевидны: лето подходило к концу, сезонная работа на заимке, которой была занята вся семья, — пастьба скота и заготовка сена — подходила к концу. Впереди маячил сентябрь, а в семье было два ученика и ученица, и нужно было определяться с местом жительства, хотя бы и на один учебный год. В поисках лучшей жизни и работы по специальности мама отправилась на свою малую родину в Алтайский край; отец и старшая сестра остались на хозяйстве, а нас с братом мама взяла с собой. Вот тут-то новые, с иголки, костюмчики — не голышом же ехать? — и пригодились. После почти трёхмесячного заимочного затворничества с ограниченным кругом общения и природным раздольем поездка за тридевять земель в тридесятое царство — из Красноярского края в Алтайский край — увлекает, развлекает и в то же время внушает некоторые опасения, просто и доходчиво выраженные словами песни: «А что там, а что там, за далёким поворотом?..»

Автостанция, покупка билетов, чайная, борщ со сметаной, блинчики с маслом, чай с сахаром. Автобус, место у окна, поля жёлтой пшеницы, встречные машины, пыль из-под колёс, убаюкивающее гудение мотора, сами собой слипающиеся глаза, свисание головы на грудь, вздрагивание и просыпание на ухабах. Железнодорожный вокзал, многолюдье, очереди возле билетных касс, чудо природы — автомат с газированной водой с сиропом и без, повышенный

авторитет копеечной и трёхкопеечной монет. Общий вагон пассажирского поезда, вторая полка, тугой ветер, залегающий в открытую фрамугу. Стремление заглянуть в будущее, увидеть на повороте локомотив. Удивление — чай в пакетиках, стаканы в подстаканниках, сахар-рафинад. Засыпание под дорожные разговоры-анекдоты взрослых: «Я-то еду к сыночку, а остальные куда?..» Станция пересадки, комната матери и ребёнка, в которой детки спокойно спят, а матери настороже — дремлют или бодрствуют. Усталость от обилия впечатлений: картинок, запахов, звуков. Прибытие на станцию назначения. Выход из поезда на перрон. Железнодорожный вокзал. Автостанция, покупка билетов, чайная, борщ со сметаной, блинчики с маслом, чай с сахаром. Автобус, место у окна, поля жёлтой пшеницы, встречные машины, пыль из-под колёс, убаюкивающее гудение мотора, сами собой слипающиеся глаза, свисание головы на грудь, вздрагивание и просыпание на ухабах. Прибытие в тридцатое царство. Весёлый, с дорожной хрипотцой, смех: что случилось с нашей гордостью — новенькими с иголочки вельветовыми костюмчиками?!

Тридцатое царство. Тёплая встреча. Родственные разговоры, ахи, охи, бодряя песня по радио: «Утро, утро начинается с рассвета. Здравствуй, здравствуй, необъятная страна...» Алтай — житница. Перебои с хлебом. Утро, утро начинается с предрассветного стояния в живой очереди: «Две буханки в одни руки, следующий... Две буханки в одни руки, следующий...» Хорошо там, где нас нет.

Возвращение в Красноярский край: хлеб есть, корова доится, значит, не пропадём!.. Костюмчики?! А что костюмчики? Постираем, выгладим — и будут как новые...

ВЕЛОСИПЕД НА ВЫРОСТ

Ближе к октябрю ситуация, выражаясь языком незабвенного общества трезвости, устаканилась. Во-первых, произошло воссоединение семьи: мама с нами, двумя сыновьями — старшим Валерием и младшим Виталием, то есть мной, вернулась из дальних странствий, со своей родины —

из Алтайского края, где безуспешно пыталась найти работу по специальности. Во-вторых, у нас появилось хотя и съёмное, но уютное жильё — небольшой домик с подворьем и колонкой внутри дома, со стайкой для коровы и сенником для хранения корма корове. Родители обрели хотя и сезонную, но работу. Работа отца была стационарной: днём он работал чернорабочим на убойном пункте, а ночью сторожил территорию этого предприятия. Работа мамы была разъездной и связанной с материальной ответственностью: она работала экспедитором на том же убойном пункте, где забивали на мясо скот, сданный окрестными колхозами и совхозами, а также и частными лицами. В её функции входило ежедневное сопровождение машин с тушами мяса на Уярский мясокомбинат. Читатель с опытом наверняка вспомнит ситуацию из фильма «Кавказская пленница», когда знаменитое трио — Трус, Балбес и Бывалый — совершило небольшой вояж по «житнице, здравнице и кузнице» Советского Союза на рефрижераторе, а покидая этот холодильник на колёсах, прихватило с собой в запас тушу мяса. Разница между событиями художественного фильма и реальной сибирской жизнью была в том, что на Кавказе дело было летом, а в Сибири — зимой, туши мяса перевозились в кузовах обычных бортовых машин, и экспедитору, сопровождающему этот груз, надо было постоянно держать ухо востро, а нос по ветру. Особенно на остановках, сделанных с целью отдохнуть, погреться или перекусить. Залезть в кузов машины и сбросить одну-две туши мяса в объятия подельника было делом не особенно хитрым.

После некоторого времени, ушедшего на трудоустройство родителей и благоустройство семьи, мне купили велосипед, но не обещанный и вожделенный «Школьник», а взрослый велосипед с рамой. Я освоил два способа езды на этом велосипеде, стоившем пять рублей в банкнотах 1963 года и купленном на вырост. Первый способ — это езда на велосипеде «под рамой», при котором передвижение транспортного средства происходило, но о скорости передвижения можно было смело сказать, что она минимальна. Для того чтобы освоить второй способ передвижения, мне пришлось срочно подрастать, хотя бы на несколько

сантиметров. Этот способ передвижения на велосипеде можно назвать «передвижение враскачку», поскольку длины моих ног не хватало, чтобы контролировать и крутить педали в их нижнем положении, сидя на сиденье, приходилось смещать корпус то вправо, то влево. Была ещё одна важная подробность: чтоб забраться на велосипед, нужна была какая-нибудь возвышенность — крыльцо, пень, забор, а потом катание происходило по принципу «до упаду», потому как, чтобы слезть с велосипеда, нужна была сноровка.

Деньки были солнечные осенние, учился я со второй смены, а потому всё дообеденное, дошкольное время проводил в седле. Появился у меня и товарищ по велосипедному катанию, также учившийся со второй смены. Как-то незаметно, само собой, простое катание на велосипеде перешло в соревнование с товарищем, в такие сельские велосипедные гонки. И в один из осенне-зимних дней мне, как победителю, достался бонус, очень своеобразный: я выскочил с боковой дороги на главную магистраль и попал в дорожно-транспортное происшествие. Велосипед мой попал под полозья саней, я вылетел из седла и упал на заснеженную землю. В тех же санях, как в карете скорой помощи, меня довезли до районной больницы, где на меня сначала внимательно посмотрел, а потом и внимательно осмотрел хирург. После внимательного просмотра и осмотра выяснилось, что я отделался лёгким испугом — синяками и ссадинами. В ход пошли вата, йод и зелёнка, и я был отпущен домой по подписку о невыезде на велосипеде на главную улицу села. Советы и указания врача-хирурга я выполнил. Вернулся к месту ДТП, поднял с заснеженной земли свой велосипед, увёл его домой и поставил отдыхать до весны.

И вскоре вспомнил о той прищипке, которую дали уезжающие односельчане к велосипеду. А это была этажерка с книгами...